

ВЛАДИМИР
ЛЕВИ

Разговор
в тишинах

ВЛАДИМИР
ЛЕВИ

*Разговор
в тишине*

Художник Е. Гольдин

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1982

Рецензенты —
член-корреспондент АМН СССР профессор Л. О. Бадалян
и доктор медицинских наук Ю. А. Александровский

Леви В.

Л36 Разговор в письмах/Худож. Е. Гольдин.— М.:
Сов. Россия, 1982.— 272 с., ил.

В течение ряда лет автор, врач-психотерапевт, исследователь и писатель, известный своими научно-художественными публикациями, ведет переписку с широкой читательской аудиторией. Его новая книга построена на материале этой переписки и ставит целью помочь людям ориентироваться в наиболее важных и сложных вопросах их повседневной жизни. Сюда относятся управление собой, своей психикой и телом; преодоление разного рода страхов, комплексов, вредных привычек; многообразие проблем общения; постижение человеческого характера и настроения.

Л $\frac{4110000000-062}{M-105(03)82}$ 44—82

15

После сеанса

ЧЕЛОВЕК И ПИСЬМО

ЧЕГО МЫ ОТ СЕБЯ ХОТИМ

СОБАКА, КОТОРУЮ
ЗОВУТ ИСКЛЮЧЕНИЕ

Фауст

— В придачу ко всему ты и шпион?

Мефистофель

— Я не всеведущ, я лишь искушен.

— Алло. Извините, я вас, кажется, разбудил. Извините, доктор. Я хотел задать только один вопрос...

Это надо объяснить сразу. Люди звонят тебе рано утром, потому что иначе им трудно тебя поймать. Встречают и провожают на улице, подходят в кино, в театре, на выставках, в ресторанах, в частных домах, во время прогулок и в местах общего пользования. «Ах, как чудесно, что я вас встретил, вы уж извините, я как раз хотел пару вопросов насчет дочки... Ничего-ничего, я подожду...»

Все в порядке, говоришь ты себе, все так и должно быть. Никто из этих людей не обязан знать, что он не один на свете и что в сутках только 24 часа. Ситуация, знакомая всякому, имеющему дело с человеческими потребностями. Разумеется, ты имеешь право ограничить рабочий день и дать понять, что график твой уплотнен; ты можешь деликатно объяснить, что ты тоже... Чтобы с каждым оставаться достаточно свежим...

— Я ждала этого разговора целую вечность, но когда вы взглянули на часы...

Часы во время психотерапевтического приема нужно держать перед собой так, чтобы взгляд мог упасть на них незаметно.

С некоторых пор, выходя из дома, ты ежедневно вынимаешь из почтового ящика толстую пачку писем и прочитываешь, что успеваешь, в метро, автобусе или в такси. Кладешь на стол в надежде между приемами и сеансами успеть пробежать еще пару строчек, а может быть, исхитриться что-то и черкнуть. В перерыве, за чашкой чаю — еще, по дороге домой — еще. Письма постепенно заселяют твой дом: занимают стеллажи, ящики и другие поверхности и помещения. Обедаешь с письмами вприкуску, ложишься спать с письмами в обнимку.

«...но в вашей книге разобраться я не смогла, тем более что она была у меня в руках только один день, и 56 страниц кем-то выдрано... Совершенно не владею собой, совсем одинока... А тут еще эта проклятая щитовидная железа... Вам пишут, наверное, очень многие, но поймите, мне не к кому больше обратиться...

Л. И.-ва, инженер».

«...и еще расскажите мне про гипноз, про систему йогов, про борьбу самбо и каратэ. Я буду очень ждать.

Витя М., ученик 6-го класса».

«...в редакции мне ваш адрес не дали, в связи с чем произошел очередной сердечный приступ. Как же добиться вашего приема? Я приезжий, в Москве у меня много родственников, все больные и занятые...

Н. Г., пенсионер, инвалид II группы».

«...два года тому назад вы любезно разрешили мне написать вам о своей жизни. Все это время ежедневно стучала на машинке, сегодня закончила, ровно на пятисотой странице. Правда, за это время случилось много других событий, так что придется, наверное, писать продолжение. Сообщите, пожалуйста, когда и где...

Е. Т., научный работник».

«...поймите, если состояние моей жены... Трое ребят... Ваше слово...

В. С., рабочий».

«...наконец-то сумел раздобыть ваш адрес. В июле меня отпустят в недельный отпуск, уже договорился, лечу к вам из далекого Забайкалья. Не будете ли вы так любезны заблаговременно заказать мне номер в гостинице, чтобы мне не пришлось затруднять вас ночевкой...

Б. Г., геолог».

«...вы моя последняя надежда. Если вы мне не поможете...»

Подпись неразборчива.

Протестую. Последняя надежда? Да почему же? Есть врачи и опытнее, и умнее... И сколько же раз я

не смог помочь — не понял, не потянул, — а другой смог; и как часто оказывается, что все не так уж страшно, просто истерика, и как же быть с вашей дочкой, уважаемый гражданин, и при чем тут каратэ, милый мой мальчик... И сколько раз, не дождавшись письма...

Надежда не бывает последней.

ОБРИСОВКА СЮЖЕТА

Существует Закон Неучтенных Последствий, он же принцип джинна, выпущенного из бутылки. Счастье кузнеца, который сам же его и кует... Каждому, кто живет на свете и как-то при этом действует, должно быть знакомо напряженное положение, выражаемое краткой формулой: «За что боролись, на то и напоролись». Не всегда так грубо, разумеется; но то, что нами самими выбрано, придумано, сделано, вызвано, — наше, стало быть, счастье имеет неукоснительное стремление брать нас в плен. И всерьез, и надолго.

Вот так попался и я.

Сколько времени человек может ждать ответа на письмо, отправленное, допустим, писателю, книга которого, только что прочитанная, вызвала какие-то вопросы, недоумения?.. Месяца два-три, ну полгода, не больше. Или — совсем не ждать.

А на письмо врачу, от которого ожидается совет, помощь?..

Дело зависит, очевидно, и от срочности случая, и от терпения человека, и от того, насколько он может представить себе объем занятости, объем переписки... Иные, не получив ответа через два дня, считают себя вправе негодовать. Другие согласны ждать и месяцы, чуть ли не годы. Но ведь не бесконечно. За день, за минуту может произойти такое, что ответ окажется запоздалым.

На письмах, требующих сверхсрочного ответа, вне всякой очередности, красным фломастером ставлю пометку SOS. Из них, правда, все равно образуется очередь: SOS с одним восклицательным знаком, с двумя, с тремя...

Но ведь и остальные — лежат и ждут. Если через месяц не придет ответ, тот шестиклассник будет

считать, что я его предал. Через полгода он сильно вырастет.

А в ином письме — никакого SOS; все нормально, человек все понимает, и именно поэтому хочется ответить быстрее.

Уважаемый В. Л.!

Разрешите прежде всего уточнить цель моего письма. Ни в очные, ни в заочные пациенты я к вам не прошусь, пока, по крайней мере, нужды в этом не чувствую. (...)

Уже в течение многих лет слежу за вашими публикациями. (...) Окончил биофак Н-ского университета. Работаю в биохимической лаборатории. (...) В своей специальности я, к сожалению, не вижу выходов на человековедение и врачевание, интересующие меня, как вы понимаете, в немалой степени по вашей «вине». Моя ближайшая цель теперь — поступить в медицинский институт и стать врачом-психотерапевтом. Кстати, стыдно, до сих пор я еще не уяснил себе, есть ли принципиальная разница между психологом, психотерапевтом и психиатром, или это просто разные обозначения одного и того же. Ясно мне только одно: интереснее человека и его психики в мире нет ничего.

Уважаемый В. Л., прошу о совете: стоит ли в мои годы (мне 28 лет) затевать новое образование, не опоздал ли? Или лучше оставаться на месте и искать какие-то другие пути? Может быть, в моем положении целесообразнее попытаться получить психологическое образование? Обязательно ли оно для психотерапевта?

(...) И еще. Это уже не совсем личная просьба, а скорее общественная. Пожелание от лица той немалочисленной категории ваших читателей, к которой, как думаю, отношусь и я. В своих книгах вы то в одном, то в другом месте рассказываете и о своем личном опыте, ваших собственных трудностях. Но все это в отдельных отрывках или намеках. А вам, должно быть, и самому ясно, что это как раз и есть то, что наиболее волнует читателей (во всяком случае, мою «категорию») и пробуждает особое доверие и благодарность.

Так вот, пожелание: в следующих книгах пощед-

рее делиться именно этим опытом. Понятно, что существуют не зависящие от вас объективные ограничения. И все же хотелось бы получить более целостное и углубленное представление о вашей конкретной повседневной работе, о людях и проблемах, с которыми вы сталкиваетесь как врач и как человек. О том, как вы сами стали собой. О письмах, которые получаете... И о том, в том числе, как все это у вас совмещается с литературным трудом, как пишутся эти книги. Ведь это тоже, как я полагаю, и человековедение, и врачевание (...).

Аркадий К.

Письма и люди — так я и хотел одно время называть эту книгу.

Дорогой Аркадий! Спасибо за добрые слова и хорошее чтение. Совета, о котором просите, дать не могу. Скажу только, что человековедением, в самом широком смысле этого слова (а он только и может быть самым широким), можно заниматься при любом деле, на любом месте — все зависит лишь от того, насколько интересуется вас человек и с какой стороны. На любом же месте можно оказывать людям помощь, в том числе важнейшую, труднейшую и тончайшую — психологическую. Человек человеку врач.

Еще не поздно, конечно, постараться стать снова студентом, приобрести квалификацию, о которой вы мечтаете. Времени может хватить. Хватит ли душевных сил, вот вопрос. Ведь квалификация психотерапевта ни медицинскими, ни психологическими знаниями, ни даже сколь угодно богатым практическим опытом не исчерпывается. Трудности этого пути нелегко описать даже в самом пространным личном письме.

(...)

Вашу вторую просьбу я постараюсь выполнить если не сразу и полностью, то постепенно. Как раз сейчас пишу новую книгу на основе переписки с читателями, и ваше письмо может послужить хорошей отправной точкой для разговора. Если позволите, я дам вам второй, открытый ответ — через книгу.

До встречи.

ФАКТОР ИКС

...Разговор уже не совсем между нами, нас слушают многие и очень разные люди; но можно сделать и так, что это нам не слишком мешает...

Начнем с попытки уточнения профессии.

У меня нет специального психологического образования, которое можно получить, закончив психологический факультет университета. По диплому я врач широкого профиля, и поэтому мне несколько неловко письменно или устно называться врачом-психологом: вроде как самозванство. Тем более что такой профессии в официальном медицинском реестре у нас не значится. Однако практически с некоторых пор приходится выполнять именно эту работу, в то же время будучи и психотерапевтом, и психиатром...

Нужно, наверное, вкратце объяснить, как это вышло.

Узнав довольно многих своих коллег и познакомившись с биографиями известнейших психотерапевтов, я могу заключить, что это прежде всего совершенно разные люди, непохожие друг на друга. Но у каждого, у кого действительно есть призвание, можно выявить некий потенциал... Не знаю, как это лучше назвать. Фактор Икс...

У моего ближайшего друга В. этот потенциал складывается из особой склонности к сопереживанию — вплоть до полного растворения в чужом мире плюс особое вдохновение, охватывающее его, когда он ощущает хоть малейшую возможность помочь человеку... Этот гений самоотдачи, в обыденной жизни лентяй и мечтатель, способен вытянуть из пропасти самого пропащего, тоскливейшего пациента, потерявшего все координаты, утратившего смысл жизни... Я еще не встречал врача, со столь нежной силой любящего своих больных. Но его избыточная доверчивость не приносит пользы, когда попадают пациенты неискренние, уклоняющиеся от живого контакта, прячущиеся под привычной маской.

В подобных случаях имеет преимущество Д. — исключительно трезвый и проницательный аналитик, мастер врачебной беседы, в которой соединяются и диагностика, и лечение. От его глаза не укроется ни

малейшая фальшь, никакая двусмысленность или недомолвка. «Следователь Сократ» — зовем мы его иногда меж собой. Подобно достопочтенному мудрецу, он умеет построить беседу так, что и наглухо закрытый пациент раскрывается, упираясь в собственные противоречия, и спустя некоторое время начинает по-новому видеть себя и свои проблемы.

У Р., виртуоза внушения, необыкновенно развит артистизм поведения — каждое его слово, каждая интонация, каждый жест предельно выразительны, красивы, отточены. Незаурядная диагностическая интуиция. Блестяще работает с людьми мнительными, страдающими всевозможными страхами, и особенно с женщинами всех возрастов; труднее, однако, со скептически настроенными мужчинами...

Коллега Е. отличается повышенным оптимизмом, энергией и уверенностью в себе. Склонность к лидерству, непринужденность, практический здравый смысл — преимущества бодрой сангвинической натуры. Хорошо идет дело с подростками и не слишком интеллектуальными юношами, удаются случаи семейно-сексологические, есть некоторый успех даже с алкоголиками... Коллега С., напротив, несколько тяжеловесен; медлителен, замкнут, выглядит то ли глубоким меланхоликом, то ли флегматиком. Излучает величественное и таинственное спокойствие. Говорит очень мало — лечит своим молчанием, лечит присутствием. Это великий гипнотизер. Мы направляем к нему пациентов, кажущихся безнадежными, — его вмешательство порой творит чудеса. Притом, однако, зауряднейшие случаи идут иногда с осечками...

У коллеги Н., матери двоих детей, твердость характера и мягкость манер, соединяясь, дают поразительную естественность и физически ощутимую человеческую надежность. Это «мать для всех» — один из прекраснейших, если не самый прекрасный, из женских типов. Поговорив с ней, чувствуешь себя отдохнувшим и набравшимся сил, все заботы и тревоги отступают... Но людей определенного склада — именно тех, кому необходимы постоянные подтверждения своей исключительности, — она раздражает и разочаровывает. Тут нужна актерская гибкость...

Фактор Икс, стало быть, предопределяет диапазон

возможностей психотерапевта, но и ограничивает их — универсальность вряд ли достижима. Так или иначе решает не техника, не методика (хотя без них и нельзя), а вот это личное...

Из выдающихся психотерапевтов недавнего прошлого вспоминается С. И. Консторум, работавший в предвоенные и первые послевоенные годы. У него была невыигрышная внешность — инвалид, с тяжелым физическим недостатком. При этом человек с богатейшим внутренним миром, эрудит, превосходный рассказчик и импровизатор на фортепиано. Когда он вел беседы и сеансы, которые часто сопровождал музыкой, становился внезапно красивым (лоб, глаза, руки), заставлял петь воздух, излучал физически ощутимую духовную силу... (Вот, это оно: близко к сути.) А личным методом психотерапии была «встречная исповедь». Да, рассказывал пациенту и о себе, рассказывал с беспощадной искренностью, но так тонко и вдохновенно, с таким юмором, что пациент, охваченный доверием и благодарностью, переставал чувствовать себя одиноким, видел во враче самого себя, и они — уже вместе — искали и находили решения, боролись с недугами. Духовная сила начинала принадлежать обоим... Метод «встречной исповеди», конечно, не всеупотребим.

...Вы спросите: ну а что же, обыкновенный здравомыслящий человек, средних способностей, простой и добрый, каких много, без разных там факторов, — разве не может, соответственно выучившись, сделаться психотерапевтом?

Отчего же, может. Но... во-первых, психотерапия, если только человек ей отдается по-настоящему, волей-неволей разовьет у него фактор Икс, то есть сама вытянет из запасников души то, что нужно и что возможно. Так же точно, как и любая другая работа. Психологи давно уже пришли к выводу, что всякая профессия производит «профессиональную деформацию» личности. (Мне, правда, этот термин не нравится.) А во-вторых, кроме фактора Икс, в призвании психотерапевта много значит еще некий кризис, поворотное переживание... Опять называю не совсем точно.

Попытаюсь сказать иначе. В практическом человековедении никак не обойтись без метода, который

один мой коллега назвал, по-моему, удачно, Методом Собственной Шкуры.

Желательно, чтобы психотерапевт был человеком гармоническим, оптимистичным и здравомыслящим, хотя бы в рабочее время. Но человеком беспроблемным, благополучным ему быть нельзя. Есть глубокая закономерность в том, например, факте, что среди врачей-фтизиатров многие сами переболели туберкулезом. Разумеется, чтобы стать хорошим хирургом, вовсе не обязательно самому перенести все операции — вполне можно обойтись и без этого, но знать, что такое боль, хирургу желательно не только по учебникам. То же и для тех, кто имеет дело с болью душевной.

Первый психотерапевтический опыт (осознавший-ся как опыт значительно позже) мне довелось обрести около 13 лет от роду. Дружил с девочкой чуть старше меня, дочерью близких друзей семьи. Был влюблен. Она казалась мне самой красивой и умной на свете, самой-самой... Только вот грустная — почему?.. Лет с одиннадцати, несмотря на прекрасные способности, училась все хуже. Потом появились странности: то, уединяясь, о чем-то шепталась сама с собой и совершала необычные движения, то начинала вдруг неудержимо смеяться, непонятно над чем. Я принимал это как должное — как ее особенности; пожалуй, именно странности и заставляли сильнее любить... Но однажды я подслушал разговор взрослых: они говорили, что Лилия психически больна, что ее придется отдать в больницу. Прозвучало незнакомое «шизофрения»... Не спал ночь, пытаюсь додуматься, что же с Лилей теперь будет и как сделать так, чтобы ее не отняли. «Это все неправда... Все это глупости, она здорова, она просто не такая, как все, она лучше всех... Они ее не понимают, а она... Не может объяснить... А я объясню, я докажу...»

Я помогал ей готовить уроки и видел, что со мной ей легче, свободнее, чем с кем бы то ни было, включая и ее родителей, и подруг, которые постепенно от нее отходили... Я представлялся Лиле чем-то вроде младшего брата и с прямолинейным простодушием допытывался, почему у нее плохое настроение, и что значат эти перешептывания и странные движения, и над чем она вдруг смеется... Отмалчи-

валась; пыталась что-то объяснить невнятными намеками...

Наконец, однажды произошел между нами Великий Разговор. Под страшной клятвой хранить тайну Лиля рассказала мне, что общается с некой Невидимой Силой, которая и заставляет ее проделывать эти вот странные движения, чтобы получать свидетельства послушания, чтобы не было худшего... Что она, эта Сила, все знает о ней и наказывает за множество грехов... Вкладывает в голову не ее, а посторонние и чужие, иногда очень скверные мысли, чтобы проверить... Что от той же самой Силы зависят некоторые особые ощущения...

Как вы понимаете, тут уже открылось нечто чрезвычайное, ни на что из моего прежнего детского опыта не похожее. Я пришел к выводу, что Лиля пребывает в невероятнейшем заблуждении (слово «бред» в медицинском смысле мне было еще неизвестно), что ее одолевают фантазии, сказки, в которые — уж это я знал по себе — так легко поверить, зажить ими, но ведь нельзя же совсем всерьез! А главное, их менять, менять надо почаще сказки, а то просто неинтересно!

— Если Сила действует на тебя, то почему она не действует на меня? Ты что, особенная?

— Не знаю.

— А я знаю: ты особенная. Ты слишком хорошая... Ты красивая... И поэтому воображаешь... черт знает что...

— Ты не знаешь моей мерзости.

— Знаю, знаю. Тебе хочется иногда, чтобы мама и папа... Чтобы все взорвалось, полетело... Тебе хочется иногда...

— Да.

— Ну и что? Мне тоже всего этого хочется, а никакая Сила не наказывает, очень ей надо.

— Может и наказать.

— А я не боюсь. Ну и пусть. Вот обругаю ее сейчас... Эй ты, Сила, такая-сякая, пошла ты туда-сюда!.. Вот видишь — и ничего!

Так я старался ее переубедить. В другой раз:

— Слушай, а по-моему, эта Сила смахивает... на нашего завуча.

— Как? Чем?

— Ну, такая же... Настырная.

— Правда, немножко. (Смеется.) Она даже говорит маминими словами...

Мы составили список пунктов, по которым Лилия должна была признать свои заблуждения, — но и я подписал несколько пунктов согласия. Это был компромисс. Невидимую Силу мы обоюдно признали простившей нас и временно не существующей. Соглашение торжественно закопали возле дома, в палисаднике, под кустом сирени.

Я не осознавал, что веду психотерапию душевного заболевания, и, наверное, к лучшему: я верил в успех здравого смысла так горячо, что эта вера не могла, хоть отчасти, не передаться и Лиле. Усилия наши, а они были обоюдными, начали приносить плоды: Лилия повеселела, занятия пошли успешнее, странностей поубавилось. Навряд ли на нее оказали глубокое воздействие мои аргументы, но сама возможность разговаривать о тайная тайных, о том, что невысказано, доверить ни матери, ни подругам, ни докторам... Почему-то однажды мы ни с того ни с сего поклялись друг другу ни за что не жениться и не выходить замуж до тридцати лет, а потом... Потом, решились мы, видно будет.

Но тут вмешалась другая сила. Лилина мать, женщина ревнивая и (как я понял гораздо позднее) сама глубоко неуравновешенная и несчастная, учинила мне допрос: о чем мы говорим с Лилей наедине, чем занимаемся, кроме уроков? Лилия, по ее наблюдениям, в последнее время слишком оживлена, у нее появился нездоровый блеск глаз. Связанный тайной, я смутился вдвойне, втройне, залепетал в ответ что-то невразумительное. И тогда разразился гром: в наших отношениях была заподозрена нечистота. Меня выгнали, и мои родители были поставлены об этом в известность. Редкие телефонные звонки, несколько встреч украдкой... А потом больница. Лекарства не помогали.

Наконец, однажды я узнал, что Лилию не уберечь от самой себя...

Сейчас я не думаю, что наша дружба могла бы победить ее болезнь, — у нее был действительно очень тяжелый процесс. И все-таки мне и теперь кажется, что если бы нас не разлучили, она бы выжила.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

— Этот, что ли, бугай ваш новый санитар?

— Плечики годятся. На пьющего не похож. Скорее, больной. Или новый ординатор.

— Вид довольно нахальный.

— Ничего, скоро узнает, что такое депрессия первогодков.

У молодого человека, к которому относились замечания, был неплохой слух. А происходило дело двадцать лет назад, в холле у кабинета главврача одной из крупнейших московских психиатрических клиник. Замечания исходили от двух хрупких женщин в белых халатах, стоявших у окна. Вышел мелкими шажками, сел некто, странно посмеивающийся, и они скрылись за дверью кабинета, даже не посмотрев в сторону предполагаемого непьющего, который еще примерно час маялся, размышляя, что бы это могло значить — депрессия первогодков и неужели у него и впрямь нахальные плечи.

Наконец, его встретила, сидючи за столом с тремя телефонами, элегантная дама с мягкой улыбкой и твердым выражением глаз.

— Очень хорошо, что вы к нам пришли, очень приятно... У нас не хватает врачей. Мы знаем, что у вас есть интерес к науке. Но учтите, молодому врачу необходима прежде всего практика. Три года как минимум придется отработать. У нас многим нравится. Какие пожелания?

— Направьте меня, пожалуйста, в буйное отделение.

— Что-что, как вы сказали?..

— В буйное.

— Вы отстали от жизни, коллега. Буйных у нас нет. Это устарелое понятие. Времена смиренных рубашек давно миновали.

— А... А какие?

— Есть острые отделения для первичных больных, мужское и женское. Есть и острые для хроников. У некоторых больных в этих отделениях, и в других тоже, иногда бывают состояния психомоторного возбуждения. У нас достаточно фармакологических средств. Приходится, конечно, иногда и... (Телефонный звонок.) Да... Да... Ну, и что же вам не понят-

но? Швы немедленно... Вызывайте из первой градской... Ребро или ключица?.. Ну, разбирайтесь. Нет... Пока замены не найдете, не подпишу. (Отбой.) Вот видите, санитаров тоже не хватает. Значит, так: в острое мужское. Первичное или хроническое? В обоих нужны врачи мужского пола.

— В первичное.

— Прекрасно, это как раз то, что вам нужно. У вас нет увечий? Спортом занимаетесь?.. Наш Григорий Николаевич, зав. отделением, международный мастер спорта по самбо. Ну, пожалуйста, идите. И гордитесь званием психиатра. Психиатрия — королева медицины, кто это сказал?

— М-м... Не помню.

— Шарко. Душ Шарко знаете? Ну, как говорится, ни пуха ни пера... Халат получите у сестры-хозяйки.

Она, естественно, шутила.

Итак, определения.

Невропатолог (невролог.) Врач по нервным болезням. В обычной нашей поликлинической практике именно к нему первому попадает пациент, у которого врач другой специальности (терапевт, хирург, отоларинголог и др.) не находит ничего «своего», а вместе с тем что-то все-таки есть... Как правило, однако, и невропатолог ничего не находит, и возникает вопрос, не пойти ли дальше, во владения вышеупомянутой королевы. Почему-то к ней, надо заметить, не очень рвутся.

В обыденном сознании «нервное» и «психическое» разграничиваются нечетко — да и в медицине тоже не удалось до сих пор установить ясных границ. Невропатолог — специалист по нервно-мозговой карте, географ мозга, и вместе с тем инженер-ремонтник. Всевозможные параличи и нарушения чувствительности — его родная стихия, наряду со всеобщим любимцем радикулитом. В ведении невропатолога все те случаи, когда болезнь непосредственно связана с поражением того или иного участка нервной системы, той или иной точки. Там же, где такая связь не обнаруживается или неоднозначна, начинается сфера, общая с психиатрией.

Психоневролог. Нечто промежуточное между невропатологом и психиатром. Врачи, так именуемые,